

Секция: Деньги, финансы и кредит

Бондаренко Олег Александрович

кандидат экономических наук, доцент

СПб ГБ ПОУ «Российский колледж традиционной культуры»

г. Санкт-Петербург, Россия

ВВЕДЕНИЕ ЧЕРВОНЦА КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ, СВЯЗАННЫХ С ПРОВЕДЕНИЕМ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Новая экономическая политика (НЭП) 1920-х годов является классическим примером использования рыночных отношений в советской экономике. Формирование основ национальной валютной системы в СССР началось в 1920-х годах, когда по мере отхода от принципов «военного коммунизма» в стране появляются первые признаки восстановления денежного обращения, в центре которого с начала 1920-х годов находились так называемые советские денежные знаки (совзнаки) [15, с. 54].

В 1921–1922 годах для управления крупными заводами и фабриками были созданы тресты и синдикаты, связавшие предприятия с рынком. Государственные предприятия были переведены на хозрасчет, натуральная оплата труда была заменена денежной. В 1921 году для регулирования денежного обращения был создан Государственный банк, уже в 1922 году выпустивший устойчивые денежные знаки (золотые червонцы), что обеспечило твердый валютный курс и позволило провести в 1922–1924 годах замену натурального налога денежным [11, с. 75–76].

В начальный период НЭПа сложились две основные формы обеспечения страны зерновыми культурами (пшеница, рожь, овес, ячмень): натуральный налог и товарообмен. При этом доля заготовок через обмен неуклонно возрастала и в 1923–1924 годах стала больше, чем доля

натурального налога. В 1924 году натуральный налог был заменен денежным сельскохозяйственным налогом. Заготовки зерна у крестьянских хозяйств стали в основном проводиться на основе свободной торговли [8, с. 89].

Развитие экономики летом 1921 года давало основания полагать, что возможно будет постепенно, без радикальных мер осуществить стабилизацию денежного обращения. Несмотря на продолжающуюся эмиссию, в июле – сентябре цены стабилизировались. Все это произошло благодаря расширению товарооборота, вызванному начавшимся процессом становления рыночных отношений. Стала действовать частная торговля, начался перевод промышленных предприятий на хозрасчет, создавались биржи, вводились денежные налоги на предприятия и население [3, Т. 3, с. 55].

В то же время финансовое положение страны в 1921–1922 годах было крайне тяжелым. За 9 месяцев 1922 года дефицит госбюджета составил 43,4% всех его расходов. Он покрывался за счет эмиссии быстро обесценивающихся советских денежных знаков. Так, за первую половину 1922 года денежная масса в обращении увеличилась в 18,2 раза, а цены – в 20 раз. Завершение сбора и реализации урожая, связанный с этим спад деловой активности, вызвали новый виток инфляции (в сентябре 1922 года цены по сравнению с предыдущим месяцем выросли на 23%, а в октябре – на 58%) и резкое увеличение спроса на золото, другие драгоценные металлы и устойчивую иностранную валюту, используемые для вложения временно свободных средств. Поэтому возникла необходимость выпуска устойчивых денег, заменяющих золотовалютные ценности в качестве средства сбережения [16, с. 123–124].

Основной аргумент в пользу параллельного обращения старых и новых денег заключался в невозможности остановить бюджетную эмиссию, в особенности из-за последствий катастрофического неурожая и

опустошительного голода. Всего за год (с июля 1921 года по июнь 1922 года) номинал наличной денежной массы поднялся с 3,2 триллиона рублей почти до 320 триллионов рублей, что обеспечило бюджету – при номинальном росте цен почти в 6 миллионов раз – реальный доход, эквивалентный 26 миллионов довоенных золотых рублей [2, с. 17].

В конце ноября 1922 года Госбанк начал выпускать банковские билеты (червонцы), имеющие золотое содержание. Приблизительно до конца весны 1923 года червонец рассматривался не как деньги в полном смысле слова, а как особый товар, призванный предохранять накопления граждан и юридических лиц от обесценения. При этом еще полагали, что банкноты, увеличивая потребность в совзнаках, необходимых для купли-продажи как товара, а также предотвращая спекуляцию другими товарами и валютой, будут тормозить обесценение совзнака. Основным методом поддержания валютного курса и покупательной способности банкноты были валютные интервенции на фондовых отделах товарных бирж. Госбанк продавал и покупал за червонцы золото и иностранную валюту с тем, чтобы поддерживать валютный паритет банкноты примерно на уровне, соответствующем номинальному золотому содержанию (один червонец за один фунт стерлингов). Стабилизация покупательной способности червонца осуществлялась с помощью купли-продажи их за совзнаки (так как товарные цены устанавливались в совзнаках, покупательная способность червонца прямо зависела от его курса на совзнаки) [16, с. 124].

Червонец был выпущен в обращение на основании декрета СНК от 11 октября 1922 года «О предоставлении Госбанку права выпуска банковских билетов». Первые банкноты появились 27 ноября 1922 года и до конца года их было выпущено в обращение на 3,6 миллиона золотых рублей при «совзначном» обороте примерно в 93 миллиона золотых рублей [2, с. 20].

Когда обсуждались перспективы банкнотного обращения накануне их выпуска (первая партия банковских билетов в 200 тысяч рублей червонцев была передана из эмиссионного отдела Госбанка в кассу Правления 27 ноября 1922 года, то назывались три возможных варианта. Первые два варианта предполагали, что червонец вытеснит бумажный совзнак или наоборот. Тогда как третий вариант предполагал их сосуществование, при котором они как бы поддерживают друг друга. Эту возможность как основную рассматривали, в частности, Г. Сокольников и А. Шейман. Реальность такого развития обосновывалась тем, что пока банкноты будут входить в оборот, они фактически явятся не столько деньгами, сколько товаром, т.е. на рынке появится дополнительный товар, отвлекающий часть платежеспособного спроса и, соответственно, снижающий темпы роста цен на иные товары. Кроме того, продажа банкнот на совзнаки, снимая часть червонцев с валютного рынка, позволяет укрепить курс банкноты относительно иностранной валюты [3, Т. 3, с. 62].

Денежная реформа 1922–1924 годов основывалась на эмиссии банкнот, обеспеченных золотом, иностранной валютой и другими ценностями (главным образом – краткосрочными векселями и легко реализуемыми товарами) и способных служить представителями золота. Червонцы, выпущенные в обращение в конце 1922 года, эмитировались не как «товарные рубли», обеспеченные специальным разменным фондом товаров, и не как деньги, свободно размениваемые на золото, а как банкноты, выпускаемые в обращение в соответствии с потребностью хозяйственного оборота. Вместе с тем в течение ряда лет (1923–1926 годы) проводились золотовалютные операции, направленные на поддержание устойчивости червонца на внутреннем рынке [13, с. 60].

Правление Госбанка решило прекратить кредитование в совзнаках, все активные операции стали вести в червонцах. При этом они

производились, как правило, только с теми клиентами, которые давали обязательства не менее 50% полученных ими банкнот не предъявлять к немедленному обмену. Первые месяцы Госбанк соблюдал осторожность при выпуске червонцев. На 1 апреля 1923 года из эмиссионного отдела в кассу Правления было передано всего 4,5 миллиона червонцев, из которых в обращении находилось только 57%. Остальные вернулись в кассу в виде текущих счетов или при размене на совзнаки. К этому времени установилось благоприятное в целом соотношение между темпами роста курса червонца в рублях и цен. Это соотношение имело первостепенное значение для внедрения червонцев в обращение. Действительно кредиты в основном предоставлялись отраслям промышленности, производящим потребительские товары, и торговле [3, Т. 3, с. 63].

Поскольку червонцы выпускались в обращение в процессе краткосрочного кредитования национального хозяйства и Госбанк требовал погашения этих ссуд червонцами, они принимались в уплату таможенных пошлин, а с января 1923 года – налогов. Оборот «принял» их в качестве средства обращения и платежа. До лета 1923 года червонец практически не «выходил» из крупного оптового оборота и межбанковских расчетов как из-за высокого номинала купюр, так и из-за недоверия широких слоев населения к новой «бумаге» [16, с. 124].

В 1924–1925 годах выросший объем денежной массы привел к равномерному росту (в денежном выражении) как продукции промышленности, так и сельского хозяйства. Особенностью же эмиссии 1922 года явилось то, что в этом году началась денежная реформа, при которой совзнаки выкупались за червонцы по «плавающему» курсу (курсу дня). За предыдущие годы совзнаки практически все осели в деревне. Они все более обесценивались. Курс же червонца (валюты промышленности) рос. Поэтому в 1922 году темпы роста промышленности в денежном выражении (по курсу червонца или в ценах 1913 года) оказались

завышенными, а темпы роста продукции сельского хозяйства – заниженными [9, с. 173].

Курс иностранной валюты и золота по отношению к червонцу устанавливался исходя из спроса и предложения котировальной комиссией фондового отдела Московской товарной биржи и являлся официальным валютным курсом. Благодаря регулирующей деятельности Госбанка курс червонца как на официальном, так и на чистом валютном рынках поддерживался на уровне золотого паритета червонца – 7,74 грамма чистого золота или несколько ниже его, что способствовало вытеснению червонцем золотой монеты и иностранной валюты из сферы денежного обращения [7, с. 161]. Приравняв купюрность банкноты к ее золотому паритету, т.е. гарантировав обмен купюр определенной величины пропорционально весу золота, Госбанк получил «золотой червонец». Для простоты расчетов купюрность банкнот осталась такой же, как в 1913 году, когда стоимостные пропорции еще не были искажены инфляцией [9, с. 178–179].

Между червонцем и «совзнаком» не устанавливалось какого-либо твердого соотношения, – их взаимная оценка должна была определяться спросом и предложением, для чего червонцы допускались к котировке на всех биржах страны. Объем эмиссии ограничивался потребностями реального хозяйственного оборота, тогда как Госбанку предоставлялось право требовать возврата кредитов, выданных в червонцах, равно как и погашения любых других червонных обязательств теми же червонцами [2, с. 21]. Сама банкнота Госбанка не могла служить казначейской валютой, поскольку казначейская валюта обслуживала розничный товарооборот, а банковская валюта – оптовый товарооборот [9, с. 179].

Первоначально план стабилизации денежного обращения в стране не предусматривал вытеснения червонцами совзнаков. Предполагалось, что основной валютой останется совзнак, а червонец будет только дополнять

его в крупном обороте и в качестве средства сбережения. Главной задачей по-прежнему была ликвидация бюджетного дефицита, прекращение эмиссии совзнаков и, соответственно, обесценения последних. Затем намечалось провести деноминацию (укрупнение денежной единицы путем обмена по единому твердому курсу старых денежных знаков на новые в целях облегчения учета и расчетов в стране) казначейской валюты – выровнять масштаб цен в совзнаках и червонцах, восстановив единство денежной системы [16, с. 124–125].

Червонец получил быстрое признание и распространение, поскольку без него невозможно было заполнить сферу рыночного обмена, фактически лишенную инструментов, способных нормально выполнять функции мерил стоимости, средства обращения и средства накопления. Тогда как совзнаки, формально пребывавшие в обращении, по существу деньгами больше не являлись. С переходом к НЭПу и развитием товарно-денежных отношений количество совзнаков, эмитированных в обращение Центральной бюджетной приходно-расходной кассой ВСНХ, достигло к ноябрю 1922 года астрономической величины – 1217883,6 миллиарда рублей, начав свой рост с 862,8 миллиарда рублей в конце 1920 года [9, с. 177].

За первые пять месяцев 1923 года количество совзнаков в обращении возросло в 2,55 раза, а розничные цены – в 3,62 раза, (за тот же период 1922 года, соответственно, 12,19 и 17,66). В 1922–1923 годах бюджетный дефицит сократился до 27,1% его расходов. Кроме того, в июле–сентябре ожидалась сезонная стабилизация рубля, связанная с реализацией урожая и резким увеличением товарооборота. Даже в 1921 и 1922 годах, несмотря на непрекращавшуюся эмиссию, рост цен в эти месяцы практически отсутствовал. Меньшая эмиссия позволяла надеяться на более длительную стабилизацию, которую осенью намечалось закрепить с помощью

частичного перехода от натурального продовольственного налога к денежному [16, с. 125].

Вместе с тем стабилизация рубля была сорвана чрезмерной эмиссией червонцев весной – летом 1923 года и последовавшим за этим стихийным вытеснением совзнака из обращения. В мае было выпущено 10 миллионов червонных рублей, в июне – 22,5 миллионов, в июле – 41,2 миллиона, в августе – 53,9 миллиона рублей. В то же время в связи с летним «затишьем» на рынке реальная ценность денежной массы в обращении в августе была примерно такой же, как в мае. Следовательно, ценность совзначной денежной массы резко снижалась со 113 миллионов рублей на 1 апреля до 92 миллионов рублей на 1 июня и до 50 миллионов рублей на 1 сентября. Обесценение совзнаков резко ускорилося. В мае цены (в совзнаках) выросли на 42%, в июне – на 52, в июле – на 66, а в августе – уже на 72%. Обесценение совзнака способствовало расширению сферы распространения червонца. Летом он проник в розничный оборот. Кроме того, возникла угроза червонной инфляции. Покупательная способность банкноты, снизившаяся за первые 4 месяца 1923 года на 8%, с 1 мая по 1 сентября упала на 27% [16, с. 125–126].

В июле 1923 года ситуация в денежном обращении стала быстро ухудшаться. Усилилось снятие червонцев с текущих счетов в Госбанке, начавшееся еще в июне. Это явление было обусловлено частично тем, что ввиду отставания курса червонца от товарного индекса клиентам было выгоднее вкладывать в товары, пускать их в оборот, чем держать их на текущих счетах. Кроме того, Правление Госбанка начало сокращать подтоварный кредит, чтобы побудить предприятия не задерживать товары на складах, и они были вынуждены снимать средства со своих счетов. Так, за период с 15 июня по 23 июня остатки текущих счетов по Правлению Госбанка сократились на 703 тысячи червонцев, т.е. на 34%. Падение покупательной силы червонца привело к росту требований обменять их на

совзнаки. Для того чтобы приобрести необходимый для такого обмена запас совзнаков, Госбанк в июне – июле продал Наркомфину 1,7 миллиона червонцев. Наркомфин, в свою очередь, большую часть этих средств не стал держать на своем текущем счете в Госбанке, а направил на бюджетные цели. Фактически Госбанк стал принимать участие в финансировании бюджетных расходов, что официально запрещалось [3, Т. 4, с. 61–62].

Примерно через год после выпуска червонца в обращение – осенью 1923 года – возникли серьезные проблемы со сбытом промышленных товаров (так называемый «кризис сбыта»), которым предшествовал чрезмерный рост цен на промтовары по сравнению с ценами на продукцию сельского хозяйства («ножницы цен»). Причины кризиса промышленности 1923 года тесно связаны с таким явлением как «ножницы цен», сложившихся на рынке на продукты промышленности и сельскохозяйственное сырье. При этом не учитывается тот факт, что в 1923 году на крестьянский рынок поступило всего 30% продукции промышленности (в основном это были сельскохозяйственные машины и инвентарь), а 70% продукции ширпотреба было направлено на городское потребление. Трудности сбыта распространились главным образом на сельскохозяйственные машины и инвентарь, а не на все товары широкого потребления. Однако так как главной проблемой того времени была проблема развертывания товарооборота прежде всего между городом и деревней (промышленность серьезно нуждалась в сельскохозяйственном сырье, а город – в хлебе) то промышленный кризис 1923 года рассматривают именно как кризис сбыта [9, с. 176].

Осенью 1923 года эмиссия червонцев в прежних размерах стала невозможной, поскольку означала превращение банкноты в падающую валюту. В то же время сбор урожая, заготовки хлеба и других сельскохозяйственных продуктов требовали значительной денежной

эмиссии, так как необходимо было обеспечить деньгами государственных и кооперативных заготовителей. Правительство было вынуждено санкционировать выпуск советских денежных знаков на небюджетные цели – кредитование хлебозаготовок. Такое решение означало окончательную деградацию старой казначейской валюты, поскольку казначейская эмиссия значительно превысила 15 миллионов рублей. В октябре 1923 года цены выросли на 67%, в ноябре – на 110, в декабре – на 136% [16, с. 126].

На 1 октября 1923 года червонцы составляли уже почти $\frac{3}{4}$ всей денежной массы. Возникла опасность, что при дальнейшей их эмиссии они могут разделить судьбу совзнака. Тогда было принято решение резко сократить выпуск банкнот, несмотря на то, что сезонные потребности в кредите, в частности связанные с хлебозаготовками, были большими. Было решено вместо червонцев значительно усилить эмиссию совзнаков, направив их на удовлетворение кредитных потребностей. К официальному пределу эмиссии на бюджетные цели в 15 миллионов золотых рублей было добавлено разрешение на эмиссию на кредитные потребности до 50 миллионов рублей. Это означало фактическое признание несостоятельности той политики защиты совзнаков от обесценения, которая не дала в конце апреля принять решение о подготовке к их обмену на червонцы. К 1 октября совзнаки уже обесценились по сравнению с 1 мая примерно в 12 раз, а цена червонца за этот период увеличилась в 9 раз – с 457 до 4100 рублей [3, Т. 4, с. 64].

Нарушение рыночного равновесия осенью 1923 года было обусловлено чрезмерным кредитованием Государственным банком государственных и кооперативных хозяйственных организаций и связанной с этим окончательной деградацией совзнака. Кредитование промышленности и торговли весной–летом 1923 года осуществлялось главным образом в виде подтоварных и целевых ссуд. Хотя предложение

промтоваров уже с весны превысило конечный потребительский спрос, хозорганы продолжали увеличивать производство, надеясь на сезонное расширение рынка в ходе реализации урожая. Осенью Госбанк прекратил «либеральное» кредитование промышленности и торговли (в сентябре червонная эмиссия составила 43,2 миллиона рублей, в октябре – 17,4, а в ноябре – 1,3 миллиона рублей) [16, с. 127]. Поэтому затоваривание готовой продукции привело к возникновению серьезных затруднений предприятий, стагнации производства.

В первые годы НЭПа на динамику цен оказывали воздействие факторы, лежащие как в сфере производства (производительность труда, накладные расходы), так и в сфере денежного обращения (излишняя банкнотная эмиссия). Поэтому выход из кризиса сбыта осени 1923 года был осуществлен путем снижения цен, ограничения эмиссии, перераспределения кредитов в пользу заготовок (т.е. в пользу сельского хозяйства), развертывания промышленного производства, сопровождающегося ростом производительности труда, снижением накладных расходов и себестоимости [13, с. 61].

К началу 1924 года стало ясно, что необходимо завершать денежную реформу. В то же время бюджетный дефицит не был еще ликвидирован. Роспись расходов и доходов на 1924 год была составлена с дефицитом в 180 миллионов рублей (10–12% бюджета). Отложить реформу до осени, когда удастся полностью прекратить казначейскую эмиссию, а реализация урожая позволит насытить деревенский оборот устойчивой валютой и сократить скорость оборота денег, было совсем невозможно [16, с. 129].

В 1925 году экономическое развитие протекало достаточно интенсивно. Темпы экономического роста были столь значительны, что достижение довоенных объемов производства стало возможным к концу 1926 года. Восстановительный период завершался. В то же время неожиданно для многих экономистов и политических лидеров параллельно

с завершением восстановительного процесса в экономике нарастает дефицит, или, как его тогда называли, товарный голод [14, с. 115].

Вопрос о кредитной эмиссии в связи с динамикой цен также стоял в последующие годы. В 1925 году начался рост цен на промышленные и сельскохозяйственные товары, возник так называемый товарный голод – острая нехватка промышленных товаров на рынке. В 1926–1927 годах проводились широкие мероприятия, направленные на обеспечение снижения цен: рост заработной платы был приведен в соответствие с ростом производительности труда, ограничены эмиссия и кредиты, осуществлялась кампания за режим экономии, снижение себестоимости, производились принудительные снижения цен на промтовары [13, с. 61].

Товарный голод 1925 года привел государственную промышленность к таким же последствиям, как кризис сбыта 1923 года – к сокращению производства и росту безработицы. Вначале под угрозой инфляции оказались банковские червонцы. Поскольку внутренний денежный рынок посредством концессионных, смешанных, акционерных промышленных и торговых предприятий был связан с внешним рынком, то, реализуя в розничном товарообороте свою продукцию за казначейские рубли, иностранные предприниматели вывозили прибыль за границу в червонцах. В 1923–1924 годах, когда экспорт хлеба – основной статьи валютных поступлений – составил 3 миллиона тонн, вывезенные за рубеж червонцы имели достаточное товарное покрытие. В 1924–1925 годах было выпущено уже 28 миллионов червонцев, а хлеба вывезено (вследствие неурожая 1924 года) только 885 тысяч тонн. Валютный курс червонца поколебался. Тогда как снижение курса червонца на внешнем рынке автоматически привело к падению курса рубля внутри страны [9, с. 180].

В таких условиях Госбанк вынужден был осуществить валютную интервенцию, т.е. дал указание своим отделениям в заграничных торгпредствах обменивать лишние червонцы на иностранную валюту,

запасы которой имелись в заграничных отделениях Госбанка. Операция по стабилизации курса червонца обошлась Госбанку потерей валютных запасов на 56 миллионов рублей, не считая того, что часть предъявленных к оплате червонцев была отоварена произведениями искусства, якобы не имеющими высокой художественной ценности [9, с. 180].

Тесная связь хлебозаготовок с развитием экономики особенно очевидно проявилась в результате просчетов при их осуществлении в 1925–1926 годах, когда ожидался хороший урожай зерновых. Исходили из предположения, что к январю 1926 года будет заготовлена значительная часть хлеба. Поэтому было намечено увеличить экспорт хлеба и, соответственно, увеличить импортный, валютный и кредитный планы, а также план строительства и производства. Хотя не было учтено, что этот год является первым годом, когда государственные и кооперативные заготовители выступали на хлебном рынке без административных мер, а сельскохозяйственный налог был значительно снижен. Не было также принято во внимание такое обстоятельство, что крестьяне будут стремиться восстановить свои хлебные запасы после неурожая в 1924 году. Таким образом, крестьяне стали при НЭПе больше потреблять зерна внутри хозяйства, но не за счет увеличения его производства, а за счет сокращения той части, которая раньше реализовывалась на внутреннем и в конечном итоге на внешнем рынке [8, с. 91].

Здесь следует отметить, что денежная реформа в 1922–1924 годах не способствовала усилению значения золотодевизного стандарта советской валюты, поскольку эмиссионная деятельность Госбанка СССР была направлена не по пути коммерческой целесообразности, а по пути подчинения интересам государственного казначейства и финансируемых им ведомств. Формально это проявилось во введении принудительного курса червонца на номинальную стоимость казначейского билета образца 1924 года, занявшего тем самым положение, равноценное положению

червонной банкноты. До 1924 года курсы червонца и казначейских билетов (так называемых советских денежных знаков) формировались независимо один от другого и на совершенно противоположных основаниях. Червонец выражал свой золотой девиз через паритетные отношения – в начале с фунтом стерлингов, а затем – с долларом, для чего Госбанк проводил политику его свободной конвертируемости на внутреннем валютном и международных рынках. На его основе формировались цены в «золотом исчислении». Тогда как советский денежный знак эмитировался казначейством для бюджетных целей. На его основе формировались свои цены, масштаб которых в 1921–1923 годах был невероятен, измеряясь астрономическими цифрами (в миллионах, миллиардах и триллионах), поскольку государственное казначейство, будучи не в состоянии решить проблему дефицита государственного бюджета, в значительной степени стремилось использовать печатный станок [17, с. 120].

Успешное функционирование системы двух валют в советской экономике – червонца и совзнака – продолжалось недолго. Со второй половины марта 1923 года резко возросла эмиссия совзнаков. Темп эмиссии в марте составил 38,5%, т.е. в номинальном выражении мартовская эмиссия более чем вдвое превысила февральскую, а в апреле эмиссия в номинальном выражении увеличилась еще на 28%. На денежном рынке появилось большое количество совзнаков. Их владельцы, предприятия и частные лица, стремясь застраховать свои средства от обесценения, вкладывали их в приобретение устойчивой валюты, в первую очередь червонцев. В результате резко возрос курс червонца, выраженный в рублях, что стимулировало спрос на него [3, Т. 4, с. 57–58].

Параллельное обращение, продолжавшееся в течение года и нескольких месяцев, показало серьезные преимущества новых денег. Удачно сконструированный механизм червонной валюты сумел

обеспечить потребности растущей экономики в стабильном мериле ценности и средстве расчетов и платежей. За период параллельного обращения реальная ценность наличной денежной массы увеличилась примерно в три раза. Этот результат был достигнут за счет интенсивного распространения червонца среди всех звеньев коммерческого оборота, тогда как роль «совзнаков», все еще эмитируемых по бюджетным каналам, из-за их непрерывного обесценения все более снижалась. В лучшем случае «совзнаки» могли служить разменным материалом для мелкой розницы, поскольку червонные купюры по стоимости представляли собой довольно крупную величину, а дробных частей червонца не существовало [2, с. 21].

В октябре 1923 года темп эмиссии совзнаков составил рекордную величину за все годы его существования – 131,7%, а ее ценность – 47,9 миллиона золотых рублей. За тот же месяц эмиссия банкнот уменьшилась по сравнению с сентябрем в 2,5 раза, и если с мая до октября червонец вытеснял совзнак из обращения, то с октября начал воплощаться в жизнь последний из возможных вариантов развития двух параллельных валют. Совзнак стал теснить червонец из обращения, тот начал уходить в накопление. Госбанк вынужден был согласиться на возврат совзнаками ссуд, выданных червонцами, а затем также выдавать ссуды в рублях. При этом одновременно зарплату стали выдавать червонцами. В червонном исчислении начали составлять бюджет и устанавливать цены [3, Т. 4, с. 64–65].

Несмотря на то, что в конце 1923 года весь внутренний товарооборот страны перешел на червонное исчисление, потребность в выпуске денежных знаков для покрытия дефицита государственного бюджета продолжала оставаться актуальной. Советский денежный знак для этой цели был уже безнадежен, поэтому возник вопрос о том, заменить ли его полностью банковской (червонной) валютой, или ввести в обращение новую казначейскую валюту. В результате длительных споров решили, что

наиболее оптимальным способом явилось бы приравнение нарицательной стоимости новых казначейских билетов к нарицательной стоимости банковских билетов (червонцев). В отношении финансовой техники это было достигнуто путем выпуска в обращение казначейских билетов достоинством в 5, 3 и 1 рубль с указанием на них соответствующего золотого девиза, который государство ни к чему не обязывало. Таким образом, денежная реформа в 1922–1924 годах была направлена на сохранение параллельного – банковского и казначейского – денежного обращения, при котором покупательная способность червонца (т.е. его твердость) попала в прямую зависимость от размера дефицита государственного бюджета, на момент реформы составившего 196 миллионов рублей [17, с. 120–121]. В таких условиях создавались возможности для усиления инфляции.

5 февраля 1924 года был принят декрет ЦИК о выпуске государственных казначейских билетов достоинством в 1, 3, и 5 рублей золотом. Они не были обеспечены, как банкноты, но был установлен предел общей сумме их выпуска. Он не должен был превышать на 1-е число каждого месяца половины выпущенных к тому времени червонцев. Для мелких потребностей были в соответствии с декретом от 22 февраля выпущены монеты серебряные (в 10, 15, 20 и 50 копеек и 1 рубль) и медные (1, 2, 3 и 5 копеек). 14 февраля 1924 года было решено прекратить эмиссию совзнаков (эмиссия казначейских билетов на бюджетные цели сохранялась до 1 июля 1924 года), а 7 марта было принято постановление Совнаркома о выкупе совзнаков с 10 марта по постоянному курсу: 1 рубль золотом, стоивший 1 декабря 1922 года 11,7 бумажного рубля, теперь приравнивался 50 тысячам рублей образца 1923 года или 50 миллиардам рублей образца 1921 года. Совзнаки принимались к обмену в кассы Наркомфина Госбанка по 31 мая 1924 года, после чего они прекратили свое хождение, и страна получила одну устойчивую валюту [3, Т. 4, с. 65].

Возможность инфляции червонца, заложенная в зависимости эмиссии банковских билетов от эмиссии казначейских билетов, Госбанка – от Наркомфина, банковского кредитования – от бюджетного финансирования, могла бы и не стать реальностью, если бы номинальная сумма валюты того и другого достоинства не превысила пределы рыночного спроса на нее. Для того чтобы сбить рост цен и укрепить покупательную силу червонца, государственные хозяйственные органы направили на основные рынки городского потребления хлебные запасы, соль, сахар, керосин и другие товары, монополистами в производстве которых являлись государственные тресты. Одновременно советским правительством в два этапа: с 1 февраля по 1 апреля и с 1 августа по 1 сентября 1924 года были в принудительном порядке снижены оптовые цены на основные промышленные товары широкого потребления. Общепромышленный индекс цен, возросший к 1 октября 1923 года к отметке 2,47 по отношению к довоенному уровню, снизился к 1 октября 1924 года до отметки 1,77. Значительно сложнее обстояло дело с ценами розничного товарооборота, общий индекс которых с 1 октября 1923 года по 1 октября 1924 года повысился с 1,39 до 2,12 по отношению к довоенному уровню. В дальнейшем тенденция к росту цен розничного товарооборота, который на две трети контролировался частными торговцами, продолжала сохраняться, как свидетельство того, что в сфере денежного обращения возникли определенные проблемы [17, с. 122].

Последний год проведения денежной реформы (1924 год) оказался не вполне благополучным для укрепления международных позиций червонца. Сильный недород в целом ряде губерний не дал возможности организовать экспорт хлеба, что привело к пассиву внешнеторгового баланса. Для облегчения импорта в страну промышленных товаров и промышленного сырья советское правительство приняло решение снизить с 2/5 до 1/3 золотое обеспечение червонца, т.е. провести его девальвацию.

Одновременно Госбанк отказался от гарантий золотого обеспечения казначейской валюты, которое гарантировал в течение нескольких месяцев после завершения денежной реформы тем, что принимал казначейские билеты в обмен на иностранную валюту. Хотя обязательство валютного обеспечения казначейских билетов не являлось по закону безусловным, его прекращение подрывало позиции червонца на внутреннем рынке, так как население рассматривало банкноту Госбанка и казначейский билет Наркомфина как единую валюту [17, с. 122].

Фактически не ограничивались, если это не подлежало какой-то особой регламентации со стороны зарубежных государств, вывоз и ввоз советских наличных денег и чеков Государственного банка, а также пересылка их за границу и обратно в почтовых отправлениях. Благодаря этому червонец постепенно стал внедряться в оборот зарубежных валютных рынков. К весне 1926 года более или менее регулярная торговля советской валютой велась в Риге, Ревеле, Ковно, Гельсингфорсе, Риме, Константинополе, Тегеране, Шанхае, Харбине, Токио [2, с. 26]. Это давало возможность получать дополнительные валютные ресурсы за счет продажи червонцев на свободную валюту, а также позволяло советским импортерам рассчитываться с иностранными контрагентами непосредственно червонцами, что увеличивало импортные возможности страны

Как любая твердая валюта времен золотого стандарта, червонец существовал одновременно в трех измерениях: золотое содержание, покупательная способность на внутреннем рынке и, как результат взаимодействия этих двух параметров, соотношение с другими валютами. Когда была проведена денежная реформа, червонец в золотом отношении соответствовал николаевской золотой десятке, которая до революции менялась на фунт стерлингов. Советский червонец пытался конкурировать английскому фунту стерлингов, но как самозванец был изгнан из

«благородного семейства» твердых европейских валют. Дело в том, что в плане покупательной способности червонец не имел никакого соответствия в сравнении с английской валютой. На Западе после войны цены на многие промышленные товары остались на уровне довоенных или даже снизились, тогда как в России они выросли в 2–4 раза. Первое время червонец поддерживала дешевая советская сельскохозяйственная продукция. Однако к середине 1920-х годов положение здесь также изменилось коренным образом [5, с. 136].

Отклонение курса червонца от его покупательной силы за 1926–1927 годы определялось при сопоставлении с фунтом стерлингов приблизительно в 16–18%. В то же время прямое сопоставление уровня цен в советской экономике и мировых цен тех же товаров показывает, что общий уровень советских цен по сравнению с довоенным временем стоял выше уровня цен английского рынка приблизительно на 21%. Таким образом, для ликвидации разрыва советских и мировых цен (применительно к английскому рынку) и для ликвидации разрыва курса и покупательной способности червонца уровень советских цен необходимо было понизить (покупательная сила червонца тогда бы возросла) приблизительно на 16% [10, с. 445].

В 1925 году по покупательной способности николаевский золотой рубль равнялся 1,8 рубля Сокольникова. Несмотря на все больший разрыв в ценах внутреннего и внешнего рынков, курс червонца (9,4 рубля за фунт стерлингов) оставался неизменным – и становился все более нереальным. В действительности же, по сообщению в Лондон британского дипломатического агента, вольный рынок в СССР давал в июне 1926 года за фунт стерлингов 14–15 червонных рублей [5, с. 137].

Если же рассматривать вопрос о котировке червонца за границей, то следует отметить, что Лондонская биржа советскую валюту не котировала. Поскольку, однако, английским деловым людям (концессионерам и

импортерам советской продукции) временами были нужны червонцы для совершения сделок с советскими организациями, во второй половине 1923 года Госбанк СССР заключил с британским «Ллойдс бэнком» соглашение о продаже и покупке червонца по золотому паритету, вне зависимости от реальной покупательной способности рубля. (Довоенный золотой паритет – 1 рубль = 0,74 грамма золота.) По данным советского торгпредства в Лондоне, фирмы покупали червонцы на срок, т.е. только для совершения конкретных сделок. В течение второй половины 1923 года на Лондонском рынке было продано около 3 миллионов червонцев [5, с. 137].

На 1 января 1924 года Госбанк имел корреспондентские связи со 100 зарубежными банками, с которыми была достигнута договоренность о покупке червонцев по курсу Московской биржи с некоторой скидкой. Однако ни эти корреспондентские соглашения, в том числе с крупнейшим корреспондентом – «Ллойдс бэнком» – ни неофициальная котировка червонца некоторыми заграничными банками, ни официальная котировка его на нескольких периферийных биржах не означали, что мировой валютный рынок, в частности важнейшая Лондонская биржа, признал червонец в качестве надежного средства накопления и расчетов по всем видам платежей. Здесь советский червонец не котировался, и поэтому все расчеты с концессионерами приходилось проводить в иностранной валюте [5, с. 137–138].

Скрытая инфляция червонца является характерной особенностью периода НЭПа, непосредственно наступившей после денежной реформы в 1924 году. Этот период продолжался вплоть до конца 1920-х годов, когда государство, будучи не в силах остановить развал потребительского рынка рыночными методами, перешло к распределению потребительских товаров среди населения по ордерам и карточкам, довершая кризис кредитно-денежной политики [17, с. 123]. В результате произошел отказ от политики, направленной на поддержание золотого червонца.

Для решения продовольственной проблемы и преодоления кризиса переведенной на банковское кредитование промышленности советское правительство пыталось воздействовать на крестьянские хозяйства методами контракции и усилением монополии внутренней торговли, путем развития систем генеральных договоров кооперации с примышленными синдикатами. Однако эти меры не дали желаемых результатов: промышленность в 1925–1926 годах недопоставила на внутренний рынок промтоваров на сумму 380 миллионов рублей. К 1926–1927 годам диспропорция выросла на 25% и составила 500 миллионов рублей. В 1925–1926 годах организованные заготовки сельхозпродукции составили 7,3 миллиона тонн, из них 2,6 миллиона тонн было вывезено за границу. В 1926–1927 годах сельхозпродукции заготовлено было значительно меньше – 3,2 миллиона тонн, а вывоз увеличился до 3 миллионов тонн. На внешнем рынке торговля хлебом становилась все менее рентабельной. Высокие цены на хлеб, установившиеся в середине 1920-х годов на международном рынке, снижались вследствие нарастающего там экономического кризиса [9, с. 183].

В течение 1923–1926 годов Наркомфин осуществлял золотовалютные операции на внутреннем рынке в целях поддержания устойчивости червонца. Эти операции заключались как в скупке валютных ценностей за счет дополнительной эмиссии червонцев, так и в продаже на рынке золота и иностранной валюты в те периоды времени, когда курс червонца опускался ниже официального паритета. Существовал внутренний валютный рынок, в десяти городах (Москва, Ленинград, Харьков, Киев, Тбилиси, Батум, Ростов-на-Дону, Владивосток, Баку, Ереван) функционировали фондовые отделы при товарных биржах, где осуществлялась купля–продажа валютных ценностей. Вплоть до середины 1925 года эти операции были прибыльными для государства [13, с. 65].

Между тем к 1925 году в результате более высокого роста внутренних цен по сравнению с мировыми покупательная способность червонцев в стране резко снизилась [7, с. 161]. Характерно, что за первые три года выпуска и внедрение в обращение (1923–1925 годы) покупательная сила червонца уменьшилась вдвое [1, с. 66]. Сложившаяся ситуация привела к возникновению ряда сложных проблем в экономике страны. Заниженный курс иностранной валюты оказывал отрицательное влияние на рентабельность экспортных операций, что снижало заинтересованность предприятий в реализации своих товаров на экспорт.

В середине 1925 года в связи с инфляцией червонца на внутреннем рынке его курс на инвалюту стал снижаться. В экономической литературе проходила интенсивная дискуссия о судьбе валютного паритета. В. Новожилов предлагал снизить официальный курс червонца на инвалюту в соответствии с реально складывающимся паритетом и уровнем цен на внешнем и внутреннем рынках. Ведущие работники Наркомфина (Г. Сокольников, Л. Юровский и другие) возражали против снижения официального курса червонца, полагая, что это приведет к дальнейшему росту цен и обесценению советской валюты. Между тем поддержание практической обратимости советской валюты на уровне официального паритета к весне 1926 года стало невозможным, и от него пришлось отказаться. Были запрещены свободная купля-продажа иностранной валюты и золота на внутреннем рынке, ввоз и вывоз червонца за границу [13, с. 65].

Несмотря на меры, принимаемые Госбанком по поддержанию курса червонца, его курс на мировом рынке серьезно снижался. В 1924–1925 годах берлинское представительство Госбанка «Гаранти унд Кредит Банк» обменивало один червонец на 21 марку. В 1926–1927 годах, т.е. 2 года спустя, один червонец обменивался уже на 7–8 марок, а в 1927–1928 годах – обмен червонцев на валюту всеми иностранными банками был

прекращен. С целью поддержания искусственно высокого курса червонца внутри страны пришлось запретить ввоз и вывоз червонцев и их обмен в пределах СССР на иностранную валюту [9, с. 183]. В 1926 году был запрещен вывоз советской валюты за границу, а в 1928 году – ее ввоз в СССР. Частный валютный рынок в стране был ликвидирован, что сняло последние препятствия на пути бесконтрольной денежной эмиссии [4, с. 175–176]. С этого времени червонец превратился в закрытую национальную валюту и уже нигде не котировался [5, с. 138].

Согласно постановлению Совнаркома от 9 июля 1926 года, «вывоз и пересылка за границу выписанных в валюте Союза ССР чеков и других платежных приказов на текущие счета, открываемые в кредитных учреждениях Союза ССР специально для расчетов по внешней торговле (счета «по внешней торговле»), и на счетах заграничных корреспондентов в кредитных учреждениях Союза ССР (счета «Лоро») разрешаются без ограничения суммы». До апреля 1927 года режим операций по корреспондентским счетам «Лоро» и счетам «по внешней торговле» заграничных банков и учреждений в кредитных учреждениях СССР определялся правилами от 26 февраля 1926 года, введенными Правлением Госбанка и утвержденными Наркомфином ещё до запрещения вывоза червонцев за границу. Эти правила обеспечивали заграничным банкам и учреждениям право свободно распоряжаться своими средствами в кредитных учреждениях СССР [7, с. 162].

В соответствии с правилами корреспондентские счета «Лоро» открывались теми кредитными учреждениями страны, которым в силу закона, устава или особого разрешения Наркомфина было предоставлено право производить валютные операции с заграницей. Правила производства операций по корреспондентским счетам заграничных банков и учреждений в кредитных организациях СССР распространялись на все открываемые в банках СССР корреспондентские счета «Лоро» в советской

и иностранной валютах. Согласно этим правилам все списания и выдачи с корреспондентских счетов «Лоро» заграничных банков и учреждений, в том числе перевод сумм денежных средств за границу и перечисления со счетов в червонцах на инвалютные счета и обратно, производились банками СССР свободно и самостоятельно без обращения в каждом отдельном случае в Наркомфин [7, с. 162].

С 15 апреля 1927 года Госбанком были введены утвержденные затем Наркомфином новые правила производства операций по корреспондентским счетам «Лоро» и счетам «по внешней торговле» заграничных банков и учреждений в кредитных учреждениях СССР. Как и ранее, все списания и выдачи с корреспондентских счетов заграничных банков и учреждений, в том числе перевод сумм за границу и перечисления с этих счетов в советской валюте на счета в иностранной валюте и обратно, продолжали осуществляться банками СССР свободно и самостоятельно без обращения в Наркомфин. Принципиальное отличие новых правил от ранее действовавших состояло в том, что на корреспондентские счета «Лоро» и счета «по внешней торговле» заграничных банков и учреждений невозможно уже было зачислять новые суммы в советской валюте, и, соответственно, с полным израсходованием этих сумм счета закрывались. В дальнейшем в банках СССР открывались и велись счета корреспондентские счета заграничных банков и учреждений для расчетов по внешней торговле только в иностранной валюте, в связи с чем обращение червонцев в качестве международного платежного средства фактически было прекращено [7, с. 162].

В 1920-х годах в советской экономике различие между ссудой денег и ссудой капиталов получило внешнее проявление в противоречии между потребностью товарооборота в деньгах и потребностью предприятий промышленности и торговли в кредитах на пополнение оборотных средств. Когда в 1925 году появились первые признаки нехватки

промышленных товаров на рынке, это свидетельствовало о некотором избытке денег в обращении, торговые предприятия (государственные и кооперативные) испытывали финансовые трудности, им не хватало оборотных средств для продвижения товаров к покупателю. В течение 1925 года «товарный голод» усиливался, товары, выбрасываемые на рынок, быстро раскупались, средства промышленности и торговли обращались быстро и беспрепятственно, что создавало условия для финансового благополучия. Сокращение эмиссии, стабилизация массы денег в обращении в 1926 году позволили добиться ослабления товарного голода, снижения цен, увеличения товарных запасов; при этом несколько замедлился оборот средств в национальном хозяйстве, что было вполне нормально. Однако одновременно с сокращением массы излишних денег и замедлением оборота проявились серьезные финансовые проблемы в промышленности и торговли, нехватка оборотных средств, увеличение потребности в кредите, что привело к новому давлению на эмиссию как источник кредитования [13, с. 70]. Кроме того, опыт стабилизации валюты в 1920-е годы явно демонстрирует основное препятствие, лежащее на этом пути в условиях огосударствления значительной части национального хозяйства: «мягкие бюджетные ограничения» предприятий и организаций, монопольная структура производства являются мощным инфляционным фактором, так как «давление» государственных и хозяйственных органов на финансовую систему и банки вызывает излишнюю (относительно потребностей товарного оборота) казначейскую и банкнотную эмиссию [16, с. 130].

Сложность, противоречивость ситуации заключалась в следующем: расширение производства в промышленности требовало притока финансовых средств, в том числе новых кредитов. Расширение кредитования за определенные границы привело к образованию излишка денег в обращении, инфляции, росту цен. Рост цен делал нерентабельным

экспорт, затруднял заготовки. Сокращались возможности экспорта и импорта. Тогда как с импортом оборудования и сырья для промышленности связывались планы индустриализации. Для того чтобы расширить импорт, необходимо было расширить экспорт. Для этого следовало обеспечить рентабельность экспорта, что требовало снижения цен на внутреннем рынке, сокращения потребительского спроса. Следовательно, необходимо было сократить кредиты промышленности, и, соответственно, временно сократить планы её развертывания, планы капитального строительства [13, с. 70–71].

В 1926–1927 годах советское правительство стремилось проводить осторожную денежную политику, а также обеспечивало снижение цен. Ссуды промышленности были сокращены, масса денег в обращении стабилизирована, цены снижены. Однако советская экономика столкнулась с рядом противоречий, которые невозможно было разрешить путем кредитно-денежного регулирования. Снижение цен, достигнутое в 1926–1927 годах путем административного нажима на торговую сеть, не сопровождалось снижением себестоимости, нехватка товаров не была преодолена полностью, хотя спрос был несколько ограничен. Крестьянство не имело достаточно стимулов для реализации своих товаров. Рынок не был насыщен промтоварами, растущий спрос городского населения поглощал прирост производства промтоваров [13, с. 71].

В течение 1926–1927 годов усилилось напряжение кредитной системы, предвещавшее наступление очередного финансово-промышленного кризиса. На 1 октября 1927 года текущие счета госпромышленности в Госбанке снизились до 6,3 % по отношению к общей сумме задолженности, т.е. госпромышленность не обеспечивала возврат процентов по ссудам, все глубже увязая в долгах. Компания по снижению розничных цен, начатая в феврале 1927 года в соответствии с

решениями Пленума ЦК ВКП(б) 7–12 февраля 1927 года не привела к желаемым результатам [17, с. 127–128].

В конце 1927 года Госбанк вынужден был резко расширить кредитование промышленности, вследствие чего возросла масса денег в обращении, возобновился рост цен, нехватка товаров усилилась, обострились трудности с хлебозаготовками. В таких условиях огромный рост промышленного производства не позволял насытить крестьянский рынок. Тогда как нормализация торгового оборота вызвала резкую нехватку оборотных средств в промышленности и торговле [13, с. 71].

Если в конце 1923 – начале 1924 года удалось безболезненно снизить цены и ограничить кредиты, то попытка повторить этот маневр в 1926–1927 годах окончилась неудачей. Последнее обстоятельство было обусловлено тем, что в 1923–1924 годах не только росло производство, но и повышалась его эффективность, снижалась себестоимость, увеличивалась производительность труда. В 1926–1927 годах эти процессы замедлились или прекратились. Производительность труда в 1923–1924 годах росла за счет того, что стали удовлетворяться элементарные потребности в пище, было преодолено физическое истощение работников. Для дальнейшего роста производительности труда необходимы были уже другие факторы, улучшение техники и организации производства. Себестоимость в 1923–1924 годах снижалась благодаря расширению производства, вовлечению в оборот законсервированного основного капитала. В 1926–1927 годах лучшие из сохранившихся капиталов уже работали, вовлекались в оборот худшие, что приводило не к снижению, а к повышению себестоимости. В таких условиях необходимо было осуществлять рационализацию производства, способствовать рациональному использованию тех относительно небольших накоплений, которые могло дать национальное хозяйство. Между тем управление

промышленностью имело во многом черты бюрократического централизма [13, с. 71].

Неэффективная работа промышленности, наличие огромного аппарата управления приводили к тому, что быстрый рост производства сопровождался столь же быстрым увеличением городского спроса. Уже в 1920-х годах возникла проблема «долгостроя», сроки строительства оказались на порядок больше, чем на Западе, расход материалов – в несколько раз больше. Неэкономное использование ресурсов способствовало возникновению постоянной потребности предприятий в приросте оборотных средств, что приводило к росту кредитов и массы денег в обращении [13, с. 72].

В то же время в отличие от первой половины 1920-х годов преодоление трудностей развертывания государственной промышленности в последующем периоде не предполагало сокращения размеров капитальных вложений и производственных программ, а также сокращения экспортно-импортного плана. Как заявил А.И. Микоян на Пленуме ЦК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 года, «мы приняли все меры, чтобы выйти из кризиса, не приостанавливая, не замедляя темпа нашего капитального строительства и не уменьшая продукции промышленности». Нарком финансов Н.П. Брюханов, в свою очередь, признал, что прирост задолженности промышленности кредитной системе составил 800 миллионов рублей, из которых половина была связана с эмиссией червонца [17, с. 128].

Дополнительная кредитная эмиссия последовала в тот момент, когда государственные хозяйственные органы в тесном контакте с репрессивными органами начали тотальное наступление на вольный рынок, что в совокупности повлекло за собой прогрессирующий распад потребительского рынка. В дальнейшем оба эти подхода – ликвидация вольного рынка и кредитная экспансия – сопровождали друг друга,

приближая момент перехода к карточной системе распределения [17, с. 128].

В 1927 году на Госбанк была возложена эмиссия казначейской валюты. Поэтому практически не представлялось возможным определить разницу между банковской и казначейской валютой. Госбанк превратился в учреждение, ведущее учет доходов и расходов государственного бюджета. С 1928 года из обращения стали исчезать медные и серебряные монеты: имея самостоятельную ценность, они стали уходить в сокровища. В феврале 1929 года была прекращена чеканка медной монеты, а в июне – серебряной монеты. По тому, с какой скоростью население перешло от накопления медных пятак к серебряным рублям, можно полагать о темпах обесценения бумажных денег [9, с. 183–184]. Масса денег в обращении увеличилась с 1,3 миллиарда рублей в 1926 году до 8,4 миллиарда рублей в 1932 году. К 1932 году цены в частной торговле выросли почти в 8 раз по сравнению с 1927 годом, в том числе на промышленные товары – более чем в 5 раз, на сельскохозяйственные товары – почти в 13 раз [4, с. 175–176].

В 1930-е годы в результате реорганизации кредитной системы произошли её укрупнение и централизация. Остался только один ярус – центральный, включавший Госбанк, Стройбанк, Внешторгбанк. Это было вызвано экономическими потребностями национального хозяйства в связи с политикой Советского государства, выраженной в индустриализации и коллективизации. Вместо разветвленной кредитной системы остались три банка и система сберкасс. Система страхования была выведена за рамки кредитной системы [6, с. 125].

В таких условиях червонец приобрел характер казначейской валюты. С 1932 года в обращение выпускаются бумажные деньги достоинством 10, 25, 50 и 100 рублей. Потеряв свою ограниченную конвертируемость,

червонец в расчетах внутреннего денежного обращения принимался за 10 рублей [9, с. 184].

Следует отметить «международное» значение денежной реформы 1922–1924 годов. Она является уникальным событием во всей мировой истории денег. Денежная реформа 1922–1924 годов проводилась как возврат России к золотому стандарту, и, соответственно, был успешно внедрен в оборот червонец с официальным золотым содержанием, равным царской десятке. Госбанк ставил своей целью максимальное приближение рыночной цены золота в червонцах к золотому содержанию советской валюты и минимальное отклонение курсов иностранных валют к червонцу от золотого паритета. В результате Госбанк практически достиг поставленной цели, когда значительно уменьшилось колебание червонца по отношению к другим валютам (табл. 1).

Таблица 1

Рыночные курсы золота и иностранных валют

(на конец года)

	Паритетное соотношение	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Золотая «десятка»	10,00	15,40	10,10	10,12
Доллар	1,943	2,240	1,938	1,945
Фунт стерлингов	9,458	9,420	9,070	9,435

Источник: Деньги и кредит. 2005. № 1. С. 56.

В то же время важное условие золотого стандарта – беспрепятственный и неограниченный обмен бумажных денег на золото – не осуществилось, и ни одного червонца на золотые монеты обменено не было. Россия оказалась первой страной, создавшей устойчивое денежное обращение без размена бумажных денег на золото. Другие страны впоследствии пришли к такому же решению (когда прошло 10–15 лет). Именно Россия первой продемонстрировала необязательность золотого стандарта для нормального функционирования денежного оборота [12, с. 27]. Таким образом, в практическом плане червонное обращение

фактически сложилось не как золотые деньги, а как бумажно-денежная система.

Развитие мировой экономики в течение XX века было связано с постепенным освобождением денег от влияния золота [12, с. 27]. С началом первой мировой войны место золотомонетного стандарта занял золотодевизный стандарт. Валюты большинства стран, не имеющих значительных золотых запасов, обменивались без ограничения на фунты стерлингов и доллары, т.е. валюты, играющие роль мировых денег и непосредственно связанных с золотом. В таких условиях устойчивость валюты понималась как стабильность золотого паритета [16, с. 124].

Червонец не только стал основой подъема национального хозяйства страны, он даже котировался на зарубежных валютных биржах, правда второстепенных. Вследствие того, что вывоз советской валюты за границу и ввоз её в СССР разрешался свободно, червонцы обращались за границей и котировались на биржах в Милане, Риме, Стамбуле, Харбине и Шанхае [7, с. 161]. При этом курс червонца фактически не отличался от его официального золотого содержания, хотя последнее было чисто формальным [12, с. 27]. Кроме того, следует отметить, что в сложнейшие для советской экономики восстановительные периоды после гражданской и Великой Отечественной войн хозяйственная стабилизация достигалась именно путем расширения рыночных отношений, балансирования платежеспособного спроса и предложения на макроуровне [4, с. 173].

Литература

1. Борисов С.М. Азбука обратимости или что надо знать о конвертируемости валют. М.: Финансы и статистика, 1991. 80 с.
2. Борисов С.М. Червонец – валюта нэпа / С.М. Борисов // Деньги и кредит. 1992. № 1. С. 15–29.

3. Голанд Ю.М. Финансовая стабилизация и выход из кризиса. Уроки советского червонца / Ю.М. Голанд // Коммунист. 1991. № 3. С. 54–64; № 4. С. 57–66.
4. Давыдов А.Ю. Инфляция в экономике. Мировой опыт и наши проблемы. М.: Международные отношения, 1991. 200 с.
5. Донгаров А.Г. Иностраннный капитал в России и СССР. М.: Междунар. отношения, 1990. 168 с.
6. Жуков Е.Ф., Максимова Л.М., Маркова О.М. Банки и банковские операции: Учебник для вузов. М.: Банки и биржи: Юнити, 1997. 471 с.
7. Зверев А.В. Финансы внешнеэкономических связей. М.: Междунар. отношения, 1990. 192 с.
8. Ильин С. Из опыта хлебозаготовок в период НЭПа / С. Ильин // Экономист. 1994. № 6. С. 89–92.
9. Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1 / Редкол.: В.А. Жамин (глав. ред.), А.А. Баранов, Я.И. Кузьминов и др. М.: Экономика, 1989. 383 с.
10. Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения / Ред. Колл. Л.И. Абалкин и др.; Сост. В.М. Бондаренко, В.В. Иванов, С.Л. Комлев и др. М.: Экономика, 1993. 543 с.
11. Летенко А.В. Российские хозяйственные реформы: История и уроки / А.В. Летенко. М.: Наука, 2004. 134 с.
12. Лушин С.И. О денежных реформах в России / С.И. Лушин // Финансы. 2000. № 5. С.25–29.
13. Маневич В.Е. Экономические дискуссии 20-х годов / Отв. ред. Л.И. Абалкин. М.: Экономика, 1989. 142 с.
14. Мау В. У истоков товарного дефицита / В. Мау // Вопросы экономики. 1990. № 6. С. 115–123.
15. Навой А.В. История формирования валютного курса рубля в СССР / А.В. Навой // Деньги и кредит. 2005. № 1. С. 54–61.

16. Никитин М. Трудности и противоречия перехода к твердой валюте в 20-е годы / М. Никитин // Вопросы экономики. 1990. № 6. С. 123–130.
17. Симонов Н.С. Крах золотого червонца / Н.С. Симонов // Известия АН СССР, серия экономическая. 1990. № 6. С. 119–129.